

«Я оставил журнал в порядке»

- Григорий Яковлевич, «Знамя» - десятая часть вашей жизни...

- С ума сойти! Я и представить себе не мог... Когда-то, когда редакция еще была на Тверском бульваре, ко мне зашел наш куратор из ЦК, беседа была доверительная, и он как бы посоветовался: некоторые редакторы работают по многу лет, а что если и вы лет десять поредактируете журнал? Я тогда ужаснулся, сказал, что пять - и то страшно много! И действительно, поработав года три, поставил себе задачу уйти; но как раз шел 89-й год, стали вводить лимиты на подписку, мы боролись с этим. Все журналы тогда боролись...

- Зато какие тиражи были! Ваш «шк» - миллион экземпляров?

- Миллион, да. Мы тогда обращались к Горбачеву, чтобы снять лимиты, его земляк-тракторист написал такое письмо: мы выполнили все поставки государству, а нашей семье отказали в подписке на «Знамя». Видно, мы только на то и годимся, чтобы грязь месить...

Кстати, почти в то же время - у меня есть ксерокопия письма министра обороны Язова - в округе и части шли распоряжения о том, чтобы подписывать максимальное количество военнослужащих на «Молодую гвардию» и «Наш современник»... Но дело не в этом. Жизнь не делится на десятые доли, половинки, четвертинки. Четыре года войны - какая это часть жизни? Не знаю. Для меня - юность, время, когда складывается характер, взгляды.

- Но переоценка ценностей - реальность. По-разному звучит слово «коммунист», когда мы говорим о годах войны и о 90-х.

- Когда я вступал в партию в 42-м, немцы были под Сталинградом. Коммунистов не брали в плен. И выбор был свят. Конечно, мы были слепы и не знали, не понимали того, что знаем и понимаем сейчас. Вспоминая себя молодым, я с жалостью думаю о школьных учителях - им-то было с чем сравнивать, ведь не только у Короленко, который писал Луначарскому, болела душа. Когда приходит тоталитаризм, человек либо уходит в себя, либо может сломаться, спиться, погибнуть, либо приспособиться...

- А что было с вами?

- Мое отношение к действительности, наверное, можно назвать простодушным. Я писал о

том, что видел, знаю, что пережил. Во время войны немцы были для меня только врагами. Зимой 42-го на Северо-Западном фронте на наш наблюдательный пункт прорвались немецкие разведчики. Мы их подстрелили, и я пополь посмотрел, какие они, немцы, и чуть не погуб, потому что один был еще жив (это происходит с героем одной из моих повестей). Мне, как и большинству тех, кто тогда боролся с фашизмом и погибал, и в страшном сне не могло присниться, что у нас на родине он наберет силу...

- С чем вы пришли в «Знамя», ведь это был журнал, ориентированный на патристическое воспитание?

- Была у меня в свое время повесть «Карпухин». И тогдашний редактор «Литературной России» Поздняев попросил у меня эту рукопись. Я дал, хотя, наверное, лучше было бы отдать в «Новый мир» Твардовскому... И вот после публикации зашел я в «Знамя», и мне говорят: «Почему вы туда отдали? Ее же не прочтут выше среднего звена в ЦК». Мне это на всю жизнь запомнилось... Вот тогдашняя система оценок в литературе. Она и к концу 80-х не особенно изменилась. Между прочим, когда мы напечатали перевод «Крестного отца» Марио Пьезо, к редакции прибывали машина за машиной черные «Волги» - из министерств, из ЦК...

- Такой интерес к мафиози?

- ... и говорили: знаете, случайно этих номеров не оказалось. Ну совершенно случайно.

- А после публикации «Нового назначения» не приезжали черные «Волги»?

- Нет. Но я больше года отвечал на письма, которые пересылали из ЦК в конвертах с черной подкладкой, чтобы не просвечивали. Академики какие-то требовали наказать.

- Кого? Александра Бека, покойного?

- Редакцию. Я отвечал, отвечал, а потом и подумал - да что я, крепостной, что ли? В ЦК пишут, пусть они и отвечают. На том и кончилось. Так что в «Знамени» я оказался с совершенно ясными для себя целями: изменить сознание людей, атмосферу в обществе, потому что иначе не изменится ничего. И поднять планку в литературе. «Секретарская» литература эпохи застоя -

«Бакланов Григорий Яковлевич (р. 1923)... Повести «В Снегирах» (1954), «Девять дней» (1958), «Пядь земли» (1959), «Мертвые сраму не имут» (1961), «Карпухин» (1966), «Темп вечной погони» (1972), «Навеки - девятнадцатилетние» (1979), «Меньший среди братьев» (1981). Романы «Июль 41 года» (1965) и «Друзья» (1975).

Рассказы, очерки, киносценарии, статьи («Литературный энциклопедический словарь»). Последние годы имя этого писателя было связано со «Знаменем», одним из популярнейших «толстых» журналов. Далеко не все знают, что Бакланов ушел из «Знамени» в ноябре 93-го. В нашей стране, где добровольный отказ от престижного поста, никоим образом не связанный со скандалом или какими-либо иными катаклизмами, дело почти непредставимо, такой уход выглядит поступком.

Фото ИТАР-ТАСС

это же стихийное бедствие.

С началом перестройки появилась возможность вернуть народу его культуру в полном объеме. После публикации «Одного дня Ивана Денисовича» общество другими глазами взглянуло на многое; стало труднее лгать. Так и в 87-м, после публикаций, за которые дрались журналы - какая была атмосфера азарта! - возникло другое измерение.

- Что из опубликованного тогда для вас самое памятное?

- Много таких вещей. «Собачье сердце» Булгакова, это одна из моих любимых книг. «Верный Руслан» Владимира, а ведь тогда «Литгазета» напечатала огромную статью, что Владимир чуть ли не агент ЦРУ. А повесть Приставкина «Ночевала тучка золотая», она же обошла все журналы - не решались публиковать. Была еще публицистика, мемуары. Мы на многое раскрывали людям глаза и многое узнавали сами.

- А какие у вас были отношения с аппаратчиками?

- Разные. О покойном Кручине, управляющем делами ЦК, могущественном тогда человеке (после августа 91-го он выбросился из окна, на этот счет были разные версии в печати) у меня самые хорошие воспоминания. Он внимательно относился ко всем моим просьбам, правда, я всегда просил для журнала, а не для себя. Кстати, он перезвани-

вал мне домой сам, если я не мог его застать. Сейчас людям среднего уровня звонить по «вертушке» - нет и нет. «Будет», - секретарь отзывается. Но чтобы самому перезвонить - нет. Более того, мои чиновные товарищи звонят мне через секретаря...

- Значит, новая элита - точно в-точь старая номенклатура?

- Да. С теми же привычками - принимать рукописи по запискам, телефонным звонкам, с тем, чтобы литератор, будь он секретарь союза писателей или нет, рукопись свою передавал главному редактору, а не в отдел... Со всем этим мы боролись. С самого начала решили установить этот уровень: не секретарь и не рядовой, а талант или не талант.

- Потому столько имен молодых в последние годы?

- Мы на них сделали ставку. Литература «из столов», эмигрантская иссякала, и не должно быть такого положения, когда целые пласты ее снова будут «открывать». На одном из пленумов СП я обратил к молодым - несите! Постепенно появились рукописи. Олега Ермакова мы просто выловили из «самотека». Шишкин принес рассказ, а потом роман. Все, что интересно, печаталось, даже если не отвечало моим эстетическим взглядам.

- Например, Виктор Пелевин с его социальными фантазиями, интеллектуальной игрой...
- ...герой не моего романа. Но

мы напечатали его много, и слава Богу, что есть такой писатель. Редактор не должен навязывать свои вкусы читателям.

- А что вам близко?

- По моим представлениям, самое жизнеспособное и в литературе, и в жизни, - самое простое. Я люблю реалистическую литературу - Бунина, Чехова...

- Вы сами ведь редко публиковались за годы редакторства?

- Всего-то закончил повесть «Свой человек» и книгу невдуманных рассказов. Так вот, если бы мне заранее было известно, что семь лет я буду писать урывками... ведь я вставал рано, писал, потом мчался в редакцию, а там крутишься, крутишься, и вечер наступил... Не то что когда-то - уезжал главный редактор, скажем, в Дом творчества в Дубулты и там спокойно писал, а дело шло. Сейчас так нельзя. И я понял, что еще поработаю - все. Больше писать не смогу. Дал зарок, что к семидесяти годам журнал оставлю. Только хозяйственные заботы отстрочили...

И сейчас живу в совершенно другом, прекрасном состоянии. Пишу повесть. Не знаю, получится, нет ли, но я делаю дело своей жизни. Кстати, наш главный бухгалтер, когда я недавно заходил в редакцию, сказала: вы правильно сделали, что ушли. Если что-то останется - это книги.

Беседовала
Елена СЕСЛАВИНА